

Таможенно-тарифный протекционизм в России в XVII — начале XVIII вв.

DOI 10.22394/1726-1139-2017-8-133-141

Шумилов Михаил Михайлович

Северо-Западный институт управления — филиал РАНХиГС (Санкт-Петербург)
Профессор кафедры международных отношений
Доктор исторических наук, профессор
mshumilov@mail.ru

Исаев Алексей Петрович

Северо-Западный институт управления — филиал РАНХиГС (Санкт-Петербург)
Декан факультета экономики и финансов
Доктор исторических наук, профессор
isaev-ap@sziu.ranepa.ru

РЕФЕРАТ

Статья посвящена рассмотрению некоторых вопросов экономической истории России XVII — начала XVIII вв. Авторы анализируют торговую политику правительства по ограничению хозяйственной активности иностранных купцов на российском рынке. Они также фокусируют внимание на причинах, обстоятельствах и особенностях перерастания торгового протекционизма в политику промышленного протекционизма, выясняя значение таможенного регулирования, как главного инструмента подавления активности иностранцев на русском внутреннем рынке. Приводятся аргументы в защиту тезиса о том, что такая политика отвечала интересам казны, верхушки русского купечества и Русской православной церкви. Выявляются особенности торговой политики, отличавшие ее от западноевропейского меркантилизма, придававшего особое значение развитию экспортных отраслей обрабатывающей промышленности и вывозу в другие страны товаров с высокой добавленной стоимостью. Авторы настаивают на том, что таможенная реформа середины XVII в. фактически не преследовала каких-либо протекционистских целей по развитию отечественного производства. Одновременно приводятся аргументы в защиту тезиса о становлении в России крупной промышленности в первой четверти XVIII в. При этом ведущая роль в обновлении производственного аппарата страны отводится таможенной и тарифной политике. Авторы утверждают, что в ее содержании проявлялись элементы промышленного протекционизма, которые, в конечном счете, определили основное содержание тарифа 1724 г.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

торговля, товар, меркантилизм, протекционизм, талер, купец, тариф, таможенные сборы, казна

Shumilov M. M., Isaev A. P.

Customs and Tariff Protection in Russia in the XVII — Early XVIII Century

Shumilov Mikhail Mikhailovich

North-West Institute of Management, Branch of RANEPA (Saint-Petersburg, Russian Federation)
Professor of the Chair of International Relations
Doctor of Sciences (History), Professor
mshumilov@mail.ru

Isaev Alexey Petrovich

North-West Institute of Management, Branch of RANEPA (Saint-Petersburg, Russian Federation)
Head of the Chair of Economy and Finance
Doctor of Sciences (History), Professor
isaev-ap@sziu.ranepa.ru

ABSTRACT

The article reveals an important issues of the economic history of Russia in the 17th — early 18th centuries. The authors analyze the government's trade policy to limit the economic activity of foreign merchants in the Russian market. They also focus on the causes, circumstances and peculiarities of the overgrowth of trade protectionism into the policy of industrial protectionism, clarify the importance of customs regulation as the main tool for suppressing the activity of foreigners in the Russian domestic market. Believing that such a policy was in the interests of the treasury, the leaders of the Russian merchant class and the Russian Orthodox Church, the authors emphasize its differences from Western European mercantilism, which attached special importance to the development of export industries of manufacturing industry and the export of finished products to other countries. In their view, the customs reform of the mid-17th century did not actually pursue any patronizing goals for the development of domestic production. Defending the thesis about the establishment of large-scale industry in Russia in the first quarter of the 18th century, they assign the main role to the customs and tariff policy in updating the country's production apparatus. The authors assert that in its content the elements of industrial protectionism, which, in the final analysis, determined the content of the tariff of 1724, became more and more confident.

KEYWORDS

trade, goods, mercantilism, protectionism, taler, merchant, customs tariff, customs duties, treasury

Первый опыт протекционизма — политики защиты внутреннего рынка от иностранной конкуренции через ограничение импорта, поддержку производства аналогичных товаров и услуг внутри страны, подавление деловой активности нерезидентов, поощрение экспорта и предпринимательской активности резидентов, предоставление им субсидий и других односторонних преимуществ [19, с. 7–9] — Россия приобрела еще в X веке. Известно, что по договору с Византией 907 г. русские купцы были освобождены от уплаты пошлин в Константинополе: «Да творять куплю, якоже им надобе, не платяче мыта ни в чем же». Не позднее XII в. взимание таможенных пошлин стало практиковаться и в самой России. Однако применительно к домонгольскому периоду говорить о протекционизме не приходится. В XII — начале XIII вв. таможенное дело осуществлялось нерегулярно. В те далекие времена оно представляло собой, во-первых, результат частноправовой практики и, во-вторых, побочный результат внешней и внутренней политики городских волостей — общинно-территориальных образований, приходивших на смену родоплеменным объединениям.

В XIII–XV вв. политическими субъектами Северо-Восточной Руси было создано единое таможенное пространство. Зачастую его открывали и для иностранцев, причем на тех же условиях, что и для русских купцов. Вместе с тем, в каждом городе местные оптовики находились в привилегированном положении по сравнению с приезжими. Так, в Новгороде размер пошлины с торговцев воском различался в зависимости от удаленности тех мест, откуда они приезжали: «низовские гости» из Владимиро-Суздальской земли должны были заплатить в Новгороде с берковца (10 пудов) вощаную пошлину в размере 0,25 гривны серебра и 0,5 гривенки перца; полоцкие и смоленские — 2 гривны кун; новоторжцы — 1,5 гривны кун; новгородцы — 6 мордок [16, с. 263, 265, 276–279].

Ганзейские немцы в Новгороде не могли прибегать к услугам своих лодочников и грузчиков, использовать собственные транспортные средства. Лишь в 1423 г. стороны достигли компромисса, и немцы получили возможность самостоятельно транспортировать грузы небольшого размера [11, с. 144–146; 8, с. 70]. Однако их попытки добиться отмены «гостинного права» (запрещение розничной торговли, деловых сношений с местным крестьянским населением, использования собственных весов, произвольных маршрутов доставки товаров и др.) не увенчались успе-

хом. Более того, условиями соглашений 1423, 1434, 1436, 1450, 1466, 1472 гг. ганзейцы обязались оберегать новгородских купцов, как своих собственных, давать им «чистый путь горою и водою» и «управу» по всем «обидным делам» (аналогичные обязательства принимала на себя и русская сторона).

После включения Великого Новгорода в состав Московского государства произошло дальнейшее сокращение торговых привилегий иностранцев. В 1488 г. наместник великого государя в Новгороде запретил иностранцам реализацию соли мешками, а меда бочками без взвешивания. Это обнулило исторические преференции ганзейских купцов, заключавшиеся в праве продажи многих привозных товаров по образцам. Кроме того, немцев вынуждали к уплате торговой пошлины — весчего — наряду с русскими купцами. Вскоре по распоряжению великого князя Ивана III весовщики, приставленные к весам при церкви св. Иоанна, стали взимать по три пфеннига с каждого шиффсфунта (около 160 кг) взвешиваемого товара, что, несомненно, ухудшило условия торговли иностранцев в России.

В удельное время князя также поощряли хозяйственную деятельность Русской православной церкви (РПЦ). Монастырям выдавали грамоты, освобождавшие от тягостей местного суда, различных податей и повинностей в пользу местных властей, проезжих платежей, ямских денег, тамги и других таможенных пошлин. Древнейшая из сохранившихся грамот на право беспошлинной торговли была выдана в 1320-х годах ярославскому Спасо-Преображенскому монастырю. В следующем столетии такой привилегией пользовались Архангельский собор в Кремле, московский Чудов, звенигородский Саввино-Сторожевский, тверской Отроч Успенский, суздальский Спасо-Евфимиев, нижегородский Благовещенский, вологодские Глушицкий, Кирилло-Белозерский, Ферапонтов и многие другие монастыри [21, с. 391–392].

В едином Русском государстве (XVI–XVII вв.) монастыри продолжали пользоваться прежними привилегиями. Кроме того они добивались от верховной власти выдачи им уставных таможенных грамот, и через это наделялись правом сбора торговых и проезжих пошлин, как в своих владениях, так и за их пределами [6, с. 7]. Впрочем, эти права зачастую ограничивались условием ежегодной уплаты денежного оброка в установленном размере. Нередко их отменяли, затем восстанавливали в ограниченном объеме, вновь отбирали, что объясняется регулярной фискальной потребностью обеспечения сбалансированного государственного бюджета.

Заслуживает внимания и тот факт, что наряду с русскими оптовиками в лице «гостей», представителей «гостиной» и «суконной» сотен, а также купеческих объединений отдельных городов объектом защиты и покровительства в XVI — начале XVII вв. нередко становились иностранные купцы и их объединения [22, с. 219–221]. Это была вынужденная политика, обусловленная неспособностью русских купцов полноценно включиться в решение насущных задач экономического развития страны.

Пользуясь многочисленными льготами и привилегиями, иностранцы до середины XVII в. контролировали русский рынок. Торговые обороты отечественных участников внешнеэкономической деятельности значительно уступали масштабу их торговых операций. Большинство местных торговых знатных людей, бедных капиталами и отягощенных высоким промысловым налогом, промышляли мелочным торгом или становились агентами иностранного капитала [1, с. 103].

Вместе с тем привилегии иностранцев не отличались устойчивостью. Их объем варьировался и всецело зависел от верховной власти. Россия никогда не была колонией стран Запада. Обеспечивая свой суверенитет, она неизменно занимала полупериферийное положение в мировой экономике. Экспортируя сырьевые товары, Москва делала это на своих условиях и по ценам мирового рынка. Более того, российская власть умело стравливала иностранцев, вынуждая конкурировать между собой. Примером могут служить безуспешные попытки Московской компании англичан монополизировать торговлю стран Запада с Россией.

Непривилегированные иностранцы имели возможность посещать исключительно «порубежные города» России. Поездки этих купцов вглубь страны допускались при наличии специальных проезжих грамот. Уже с середины XVI в. их подвергали все большему таможенному обложению по сравнению с подданными московского царя, о чем свидетельствуют уставные таможенные грамоты, составлявшие основу таможенного права конца XV — первой половины XVII вв.

С конца XVI в. иностранных купцов в порубежных городах заставляли платить «большую таможенную пошлину», или «большую тамгу», которая состояла из двух частей. Во-первых, торговой пошлины с продажи товаров «не с весчих» (3%) и «весчих» (4%) и, во-вторых, единой пошлины за важные, мостовые, дрягильские, анбарные и вообще за «всякие мелкие пошлины» со всех товаров (1%). Следовательно, ставка «пошлины большой» с продажи «невесчих» и «весчих» товаров достигла 4–5% с цены. В таком же размере с 1620-х г. «большая тамга» взималась в Москве с доставленных сюда иностранцами своих товаров. Эта ставка, в конечном счете, была закреплена Торговым (1653) и Новоторговым (1667) уставами царя Алексея Михайловича для обложения торговли иностранцев в Архангельске [21, с. 334–341].

Можно сказать, что на переломе 1620–1630-х гг. правительство России сделало первые осмысленные шаги, направленные на вытеснение торговых иноземцев с внутреннего рынка посредством сокращения их привилегий и создания определенных преимуществ отечественному торговому капиталу [21, с. 241, 263, 273–274, 285–287, 291, 303, 336–337, 340–341]. В дальнейшем эта политика торгового протекционизма становилась все более целеустремленной и последовательной. Ее главным и самым действенным инструментом выступал таможенный тариф, с помощью которого удалось многократно усилить обложение торговых операций нерезидентов. Одновременно практиковались меры нетарифного регулирования и ограничения свободной торговли, устанавливались все новые бюрократические препоны, затруднявшие перемещение и сбыт иностранцами привозных товаров во внутренних городах.

При этом решающей силой, заинтересованной в вытеснении иностранцев с внутреннего рынка, выступало самодержавное государство, стремившееся удовлетворить казенную потребность в импорте, а также увеличить налоговые и валютные поступления. Представляется, что М. И. Туган-Барановский допускал историческую неточность, утверждая, что «концентрация торгового капитала, наблюдавшаяся в допетровской Руси, была вызвана не правительственными мероприятиями, а естественной эволюцией торговли, преимуществами крупной торговли перед мелкой» [18, с. 86].

От раннего меркантилизма (монетарной системы) и даже развитого западноевропейского меркантилизма, представители которого «придавали огромное значение развитию экспортных отраслей обрабатывающей промышленности» и вывозу в другие страны товаров с высокой добавленной стоимостью [2, с. 364–365], российскую политику торгового протекционизма отличал целый ряд особенностей.

Во-первых, с иностранцев стали требовать уплаты экспортно-импортных пошлин: уже в 1620–1630-е гг. условием экспорта русских товаров, привозимых в Архангельск из Москвы, становилась уплата пошлины в размере 0,5% от их таможенной стоимости. В дальнейшем за право привоза иностранцами своих товаров во внутренние города страны и вывоза русских товаров за границу стали взимать особую «проезжую пошлину», заменившую головщину, мостовые, паузочные, дрягильские, грузовые, проезжие с судов, возов и саней пошлины и т. д. Вопреки своему названию, эта пошлина имела адвалорный характер и составляла 1,5% с «невесчих» и 2% с «весчих» товаров. За право вывоза русских товаров за границу иностранец тоже обязан был заплатить 1,5–2% «проезжей пошлины» [21, с. 336].

Во-вторых, иностранцев лишали прежних торговых привилегий. Так, с 1 июля 1646 г. представители Московской компании англичан были обязаны платить та-

моженные пошлины, а с 1 июня 1649 г. для них закрывались Москва и другие внутренние города России. С принятием Новоторгового устава 1667 г. иностранцам позволяли посещение внутренних русских городов при наличии у них особых государевых жалованных грамот. Согласно тому же закону, в порубежных и внутренних городах они могли сбывать привозной товар исключительно местным оптовикам и «московским купецким людям». Нарушение этого правила вело к конфискации товара (ст. 60, 61, 62, 63). В конечном счете, большинство иностранных купцов лишилось своих привилегий, практиковавшихся в рамках предыдущих десятилетий.

В-третьих, в 1649 г. были окончательно установлены государственная монополия на закупку ввозимого из-за границы монетного серебра и заниженный курс обмена ефимков (талеров) на русскую валюту: один «любский ефимок» приравнивался к полтине, хотя его рыночная котировка составляла от 56 до 64 копеек. В 1667 г. законодатель потребовал уплаты пошлины с продажи привозных товаров в Архангельске, а также «проезжей пошлины» иностранной валютой.

В-четвертых, Торговый устав 1653 г. обязал иностранцев платить с продажи своих привозных товаров по два алтына с каждого рубля таможенной стоимости (6%) во всех русских городах, кроме Архангельска, в то время как русские платили с продажи своих товаров «рублевую пошлину» в размере 10 денег с рубля (5%). Этим же законом предусматривались «проезжие отъездные пошлины», которые взимались с иностранцев, привозивших свои товары в Москву и другие внутренние города или отпускавших покупные русские товары за границу. Ставка такой пошлины устанавливалась в размере 4 денег с рубля или 2% от стоимости явленного в «проезд» товара. Если привозной товар «отъезжался» в Москву и в другие русские города из Архангельска, то взималось по-прежнему 1,5% и 2%. При этом валюта, которой оплачивались таможенные пошлины и сборы, до 1667 г. оставалась произвольной. Таможенным головам вменялось в обязанность взимать пошлины теми деньгами, «кто на какие деньги купит и продаст» [21, с. 414–415].

В-пятых, по Новоторговому уставу за право провоза иностранцами своих товаров вглубь страны с них стали взysкивать «проезжую пошлину» в размере гривны с рубля, которая оплачивалась привозными ефимками по официальному курсу. Высокая ставка этой пошлины, которая с учетом реального соотношения рубля и ефимка составляла не 10%, а все 12–15%, а в конце XVII в. — 20%, серьезно подрывала заинтересованность иностранцев в посещении внутренних русских городов [5, с. 20, 26, 27]. Решение правительства взимать, начиная с 1685 г., пошлину с русских экспортных товаров в Архангельске не с их закупочной цены в «верховых городах», а в зависимости от конъюнктуры товарного рынка в период ярмарочного торга завершило серию политических мероприятий правительства по ограничению торговых операций иностранных коммерсантов во внутренних городах страны [14].

В-шестых, протекционистские меры в полной мере отвечали интересам российских оптовиков, которые начиная с 1620-х годов все более организованно и громогласно выступали против торгового засилья иностранцев. Однако их домогательства, изложенные в челобитных грамотах, долгое время оставались без внимания и поддержки, поскольку правительство сомневалось в способности своих подданных заменить иностранцев в решении важнейших внешнеэкономических и фискальных задач. Купеческие челобитные 1627, 1635, 1637 гг., по авторитетному мнению А.Г. Манькова, лишь в малой степени влияли на выработку протекционистской торговой политики [9, с. 138]. Тем не менее, в 1640-е годы, в силу очевидных успехов русской торговли, сближения интересов высшей бюрократии и купеческих верхов, в царском окружении определенно возобладали настроения в пользу проведения политики, направленной на вытеснение иностранцев с внутреннего рынка. Ее последовательно наступательный характер во многом обуславливался возросшей способностью гостей и других элитных

группировок русского купечества конкурировать с иностранцами и обеспечивать решение приоритетных в глазах власти задач национального развития [22, с. 222–223].

В-седьмых, влиятельной силой, заинтересованной в обновлении торговой политики, выступала РПЦ, добивавшаяся законодательного запрещения русским служить у некрещеных или неправославных иноземцев. Результатом ее деятельности в Москве стало переселение в 1630-е годы отказавшихся от крещения в православие западноевропейцев за Покровские ворота. Не позднее 2 марта 1643 г. был издан царский указ, запретивший иностранцам покупать дворы у русских людей «на Москве в Китае, и в Белом городе, и за городом в слободах». Одновременно было решено закрыть все протестантские церкви, находившиеся вблизи православных. В 1652 г. указом царя Алексея Михайловича для проживания иностранцев была определена особая слобода за Земляным городом на берегу р. Яуза, получившая название «Кукуй».

В-восьмых, торгово-протекционистская направленность таможенной реформы царя Алексея Михайловича была теснейшим образом связана с решением фискальной задачи, основное бремя которой предусматривалось возложить на иностранцев. Во-первых, за право ввоза на российскую территорию особо «ликвидных» в таможенном отношении товаров с импортеров решили взимать ввозную пошлину, уплата которой производилась как ефимками, так и русской валютой. В частности, с каждой большой («беремянной») бочки алкана, бастры, мальмазеи и мушкетели следовало уплатить 60 ефимков; «с романе с беремянной бочки» — 40 ефимков; «с полуберемянных бочек ренского» — 20 ефимков с бочки, «с погребца с вотки» — 6 ефимков; с пуда сахара головного — 1 руб.; с пуда красного леденца — 40 алтын (1 руб. 20 коп.) и т. д. (ст. 51, 52). Во-вторых, вводилась экспортная пошлина, уплата которой предусматривалась русской монетой. Согласно Новоторговому уставу, когда иностранцы доставляли свои покупные русские товары в Архангельск, Новгород, Псков и другие пограничные города с целью вывоза за рубеж, их надлежало обложить пошлиной в размере одной гривны с рубля (10%), ориентируясь на продажную цену местного рынка. Лишь после этого разрешалось вывозить товары из страны (ст. 66) [17, с. 126, 128].

В-девятых, таможенная реформа середины XVII в. фактически не преследовала каких-либо покровительственных задач по развитию отечественного производства [20, с. 126; 9, с. 151]. В связи с этим вызывает сомнение достоверность вывода Сергея Никольского о том, что в 1667 г. к финансовой цели таможенного дела примкнула другая — экономическая, состоявшая в защите внутренней промышленности от иностранной конкуренции [12, с. 53–54]. Нельзя также согласиться и с Л. Н. Марковым, утверждавшим, что высокие ввозные пошлины на сахар, вино и предметы роскоши, установленные Новоторговым уставом, были направлены на поощрение отечественного производства [10, с. 38]. Как справедливо отмечал М. И. Туган-Барановский, московское купечество в те годы не только не стремилось заниматься производственной деятельностью, но и «упорно добивалось возможно более широкой свободы привоза иностранных товаров» [18, с. 80–81, 84].

Только в первой четверти XVIII в., когда началось становление крупной промышленности, в содержании национальной таможенной политики стали проявляться элементы промышленного протекционизма. По этой причине мнение И. С. Бака о том, что главной и основной целью экономической политики Петра I был промышленный протекционизм, а торговый протекционизм играл меньшую и подчиненную роль, представляется, по меньшей мере, неточным [2, с. 365]. Невозможно согласиться и с теми авторами, которые вообще отказывали торгово-промышленной политике первой четверти XVIII в. в каких-либо теоретических основаниях. Так, Валентин Витчевский утверждал, что политика Петра была лишена какой-либо идеологической мотивации: «Если руководителей других государств той же эпохи можно упрекнуть в том, что свою государственную власть они слишком настойчи-

во пускали в ход для достижения нередко односторонних хозяйственных целей, то для Петра экономические цели являлись лишь фундаментом, на котором должен был быть воздвигнут храм его политического могущества» [3, с. 8].

В этой связи заслуживает внимания вывод Н. И. Павленко о том, что «широкую программу поощрения промышленности и торговли правительство Петра I стало осуществлять лишь в течение последних семи-восьми лет первой четверти XVIII в.» [13, с. 65]. Причем основной упор в этой деятельности пришелся на внешнюю торговлю и фискальные налоги. Так, в 1717–1719 гг. правительство отказалось от монопольных прав на продажу за границу целого ряда казенных товаров. После издания соответствующего царского указа от 8 апреля 1719 г. в торговой монополии государства остались только поташ и смольчуг. В фискальных же интересах 1 октября 1719 г. Коммерц-коллегия установила дополнительные ефимочные пошлины с «бывших казенных товаров», которые решили взимать с покупателей, отпускавших эти товары за границу. Продавцы были обязаны платить обычную рублевую пошлину по Новоторговому уставу 1667 г. Размер же дополнительного таможенного сбора составлял: на смолу и пек — густую смолу (с бочки) 1/2 ефимка, клей (с пуда) — 3, свиную щетину (с пуда) — 2/3, икру (с пуда) — 1, ремень (с пуда) — 5, «деланные лосины» — 1/4, «неделанные лосины» — 1/3, выделанную кожу «на лосиное дело» — 1/5 ефимка. Мачты облагались по особой шкале в зависимости от диаметра ствола [15; 7, с. 273].

В любом случае важно отметить, что до конца 1710-х годов в экономике России преобладал крупный торговый капитал, а в промышленности «неограниченно царило мелкое производство». И лишь затем «при непосредственном участии правительства» в стране получило развитие крупное производство. М. И. Туган-Барановский в связи с этим справедливо отмечал, что становление «промышленного капитализма» происходило на основе торгового капитала. Другими словами, крупная промышленность в России «развивалась в соответствующей среде, которая была создана всей предшествовавшей историей Московского государства — именно, в среде крупных торговцев» [18, с. 80, 81, 86, 88].

При этом переход к поддержке крупного производства во многом был подготовлен достижением к началу 1720-х годов основных целей политики торгового протекционизма. Необходимость уплаты «проезжей пошлины» в размере 20% сдерживала иностранных купцов от посещения внутренних городов. В связи с перемещением центра внешней торговли страны в Петербург у иностранцев совсем исчезли мотивы для участия в торговых операциях за пределами новой российской столицы. Упадок морской торговли в Архангельске (за период 1710–1725 гг. объем торговых сделок иностранцев в этом городе сократился в 27 раз) [4, с. 202] фактически деактуализировал тему поддержки российского купечества мерами таможенно-тарифной защиты. С принятием таможенного тарифа 1724 г. приоритетной задачей таможенной политики России на длительную перспективу становился промышленный протекционизм. Мотивы же торгового протекционизма (меркантилизма) при ее формировании стали играть вспомогательную и все менее заметную роль.

Литература

1. *Базилевич К. В.* Коллективные челобитья торговых людей и борьба за русский рынок в первой половине XVII в. // Известия АН СССР. Отд. обществ. наук. 1932. № 2. С. 91–123.
2. *Бак И. С.* Экономические воззрения В. Н. Татищева // Исторические записки. М., 1955. Т. 54. С. 362–381.
3. *Витчевский В.* Торговая, таможенная и промышленная политика России со времен Петра Великого до наших дней / под ред. Ю. Д. Филипова. СПб. : Издание Д. А. Казыцына и Ю. Д. Филипова, 1909.

4. Захаров В. Н. Иностранцы купцы в Архангельске при Петре I // Архангельск в XVIII веке / сост. и отв. ред. Ю. Н. Беспятых. СПб. : Изд-во «Русско-Балтийский информационный центр БЛИЦ», 1997. С. 181–209.
5. Исаев А. П., Шумилов М. М. Формирование политики торгового протекционизма в России (XVII — начало XVIII вв.) // Управленческое консультирование. 2012. № 2. С. 19–31.
6. Каштанов С. М. Торговля и таможенный иммунитет духовных корпораций в России XVI в. (по жалованным и указным грамотам) // Торговля, купечество и таможенное дело в России в XVI–XVII вв.: сб. материалов международной научной конференции (Санкт-Петербург, 17–20 сентября 2001 г.) / отв. ред. А. П. Павлов. СПб. : Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2001. С. 7–8.
7. Козинцева Р. И. Участие казны во внешней торговле России в первой четверти XVIII в. // Исторические записки. 91. М., 1973. С. 267–337.
8. Кулишер И. М. История русской торговли до девятнадцатого века включительно. СПб. : Атеней, 1923.
9. Маньков А. Г. Законодательство и право России второй половины XVII в. СПб. : Наука, 1998.
10. Марков Л. Н. Очерки по истории таможенной службы. Иркутск : Изд-во Иркут. ун-та, 1987.
11. Никитинский А. И. История экономического быта Великого Новгорода. М. : Университетская типография, 1893.
12. Никольский С. О внешних таможенных пошлинах. М. : Изд-во «Унив. тип. (М. Катков и К^o)», 1865.
13. Павленко Н. И. Торгово-промышленная политика правительства России в первой четверти XVIII в. // История СССР. 1978. № 3. С. 49–69.
14. Полное собрание законов Российской империи. Собрание I. СПб., 1830. Т. 2. № 1129.
15. Полное собрание законов Российской империи. Собрание I. СПб., 1830. Т. 5. № 3428.
16. Российское законодательство X–XX веков [тексты и коммент.]: в 9 т. / под общ. ред. О. И. Чистякова. Т. 1. Законодательство Древней Руси; отв. ред. В. Л. Янин. М. : Юрид. лит., 1984.
17. Российское законодательство X–XX веков [тексты и коммент.]: в 9 т. / под общ. ред. О. И. Чистякова. Т. 4. Законодательство периода становления абсолютизма; отв. ред. А. Г. Маньков. М. : Юрид. лит., 1986.
18. Туган-Барановский М. И. Избранное. Русская фабрика в прошлом и настоящем. Историческое развитие русской фабрики в XIX веке. М. : Наука, 1997.
19. Цедилин Л. И. Протекционизм в российской экономической политике: институциональный исторический опыт. М. : Институт экономики РАН, 2014.
20. Чистякова Е. В. Новоторговый устав 1667 года // Археографический ежегодник за 1957 г. М., 1958. С. 102–126.
21. Шумилов М. М. Торговля и таможенное дело в России: становление, основные этапы развития (IX–XVIII вв.) СПб. : Дмитрий Буланин, 2006.
22. Шумилов М. М. Завоевание русскими купцами внутреннего рынка страны в XVI–XVII вв. // Управленческое консультирование. 2016. № 4. С. 217–229.

References

1. Bazilevich K. V. *Collective petitions of trade people and fight for the Russian market in the first half of the 17th century* [Kollektivnye chelobit'ya trgovykh lyudei i bor'ba za russkii rynek v pervoi polovine XVII v.] // News of Academy of Sciences of the USSR. Department of Social Sciences [Izvestiya AN SSSR. Otd. obshchestv. nauk]. 1932. N 2. P. 91–123. (rus)
2. Bak I. S. *Economic views of V. N. Tatishchev* [Ekonomicheskie vozzreniya V. N. Tatishcheva] // Historical notes [Istoricheskie zapiski]. M., 1955. V. 54. P. 362–381. (rus)
3. Vitchevsky V. *Trade, customs and industrial policy of Russia since the time of Peter the Great up to now* [Torgovaya, tamozhennaya i promyshlennaya politika Rossii so vremen Petra Velikogo do nashikh dnei] / translation from German of A. V. Braude; under the editorship of Yu. D. Filipov. SPb. : D. A. Kazitsyn and Yu. D. Filipov's edition, 1909. 363 p. (rus)
4. Zakharov V. N. *Foreign merchants in Arkhangelsk at Peter I* [Inostrannye kuptsy v Arkhangel'ske pri Petre I] // Arkhangelsk in the 18th century [Arkhangel'sk v XVIII veke] / Collection and ex. edition Yu. N. Bespyatykh. SPb. : "Russian-Baltic Information Centre BLITZ" publishing house [Izd-vo «Russko-Baltiiskii informatsionnyi tsentr BLITs»], 1997. P. 181–209. (rus)
5. Isaev A. P., Shumilov M. M. *Formation of policy of trade protectionism in Russia (XVII — the beginning of the XVIII century)* [Formirovanie politiki trgovogo protektsionizma v Rossii (XVII —

- nachalo XVIII v.) // Administrative consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]. 2012. N 2. P. 19–31. (rus)
6. Kashtanov S. M. *Trade and customs immunity of spiritual corporations in Russia XVI century (according to appointed and decree diplomas)* [Torgovlya i tamozhennyi immunitet dukhovnykh korporatsii v Rossii XVI v. (po zhalovannym i ukaznym gramotam)] // Trade, merchants and customs affairs in Russia in the XVI–XVII centuries [Torgovlya, kupechestvo i tamozhennoe delo v Rossii v XVI–XVII vv.]: Collection of materials of the international scientific conference (St. Petersburg, on September 17–20, 2001) / Ex. edition A. P. Pavlov. SPb. : Publishing house of Saint-Petersburg State University [Izd-vo S.-Peterb. un-ta], 2001. P. 7–8. (rus)
 7. Kozintseva R. I. *Participation of treasury in foreign trade of Russia in the first quarter of the XVIII century* [Uchastie kazny vo vnesnei torgovle Rossii v pervoi chetverti XVIII v.] // Historical notes [Istoricheskie zapiski]. 91. M., 1973. P. 267–337. (rus)
 8. Kulisher I. M. *History of the Russian trade till the XIX century inclusive* [Istoriya russkoi torgovli do devyatnadsatogo veka vklyuchitel'no]. SPb. : Ateney, 1923. 328 p. (rus)
 9. Mankov A. G. *Legislation and law of Russia of the second half of the XVII century* [Zakonodatel'stvo i pravo Rossii vtoroi poloviny XVII v.]. SPb. : Science [Nauka], 1998. 214 p. (rus)
 10. Markov L. N. *Sketches on history of customs service* [Ocherki po istorii tamozhennoi sluzhby]. Irkutsk : Irkutsk University publishing house [Izd-vo Irkut. un-ta], 1987. 157 p. (rus)
 11. Nikitinsky A. I. *History of economic life of Veliky Novgorod* [Istoriya ekonomicheskogo byta Velikogo Novgoroda]. M. : University printing house [Universitetskaya tipografiya], 1893. 306 p. (rus)
 12. Nikolsky S. *About the external customs duties* [O vnesnikh tamozhennykh poshlinakh]. M. : Publishing house "University printing house (M. Katkov and Co)" [Izd-vo «Univ. tip. (M. Katkov i K')»], 1865. 124 p. (rus)
 13. Pavlenko N. I. *Commerce and industry policy of the Government of the Russian Federation in the first quarter of the XVIII century* [Torgovo-promyshlennaya politika pravitel'stva Rossii v pervoi chetverti XVIII v.] // History of the USSR [Istoriya SSSR]. 1978. N 3. P. 49–69. (rus)
 14. *Collection of Legislative Acts of the Russian Empire* [Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii]. Collection I. SPb., 1830. V. 2. N 1129. (rus)
 15. *Collection of Legislative Acts of the Russian Empire* [Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii]. Collection I. SPb., 1830. V. 5. N 3428. (rus)
 16. *Russian legislation of the X–XX centuries (Texts and comment)* [Rossiiskoe zakonodatel'stvo X–XX vekov (teksty i kommentarii)]: In 9 v. / Under a general edition of O. I. Chistyakov. V. 1. Legislation of Ancient Russia; ex. edition V. L. Yanin. M. : Juridical Literature [Yurid. lit.], 1984. 430 p. (rus)
 17. *Russian legislation of the X–XX centuries (Texts and comment)* [Rossiiskoe zakonodatel'stvo X–XX vekov (teksty i kommentarii)]: In 9 v. / Under a general edition of O. I. Chistyakov. V. 4. Legislation of the period of formation of absolutism; ex. edition A. G. Mankov. M. : Juridical Literature [Yurid. lit.], 1986. 512 p. (rus)
 18. Tougan-Baranovsky M. I. *Favourites. The Russian factory in the past and the present. Historical development of the Russian factory in the XIX century* [Izbrannoe. Russkaya fabrika v proshlom i nastoyashchem. Istoricheskoe razvitie russkoi fabriki v XIX veke]. M. : Science [Nauka], 1997. 735 p. (rus)
 19. Tsedilin L. I. *Protectionism in the Russian economic policy: institutional historical experience* [Proteksionizm v rossiiskoi ekonomicheskoi politike: institutsional'nyi istoricheskii opyt] / L. I. Tsedilin. M. : Institute of Economics of RAS [Institut ekonomiki RAN], 2014. 208 p. (rus)
 20. Chistyakova E. V. *The new trade charter of 1667* [Novotorgovyi ustav 1667 goda] // Archeographic year-book for 1957 [Arkheograficheskii ezhegodnik za 1957 g.]. M., 1958. P. 102–126. (rus)
 21. Shumilov M. M. *Trade and customs affairs in Russia: formation, main stages of development (IX–XVII centuries)* [Torgovlya i tamozhennoe delo v Rossii: stanovlenie, osnovnye etapy razvitiya (IX–XVII vv.)]. SPb. : Dmitry Bulanin, 2006. 472 p. (rus)
 22. Shumilov M. M. *The Capture of the Domestic Market by Russian Merchants in XVI–XVII Centuries* [Zavoevanie russkimi kuptsami vnutrennego rynka strany v XVI–XVII vv.] // Administrative consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]. 2016. N 4. P. 217–229. (rus)